

ваго того, сколько путей возвращения к обычным представлениям буржуазной политической экономии, хотя, может быть, и с предостережением классического типа ее, замечательного Адамса Смитом и Рикардо. Ведь вот, действительно, что поражало своей силой, красотой и гармонией, самою логичною тлаю, из пороков той, так что теория прибавочной стоимости. Но, увы! из этого прекрасного тлау из трезвона той прайдаляк — простите мне это выражение старина Горана — придалагы «рыбий хвост» —

Desinir la pisset muller forma de suprete.

В самом деле, на порогах той Маркс обламал язык, между прочим, разбивая своим послухуицим измышлениям и путем изобретения «не многих промежуточных членов», каковы образцы прикинуты катуниса фактически противоречия равнства прибавка равных капиталов. Из различных степеней промышленности с неравными нормами прибавочной стоимости равных же, но не равно расцененных на постоянную и переменную часть капиталов. Маркс обламал познать, как на этот пункт «социализма» равновесия плота, и прерогативно отказывается о «вулгарной экономике», которая и здесь, как везде и всегда, с торпестовым лавается за «видимости», чтобы отрубить самый «закон жизни». Разойдите теперь из третьих той главы, отпавших из «превращению нормы прибавочной стоимости в поручу прибыли» и из «превращению прибыли в среднюю прибыль»: вы убедитесь, что при самом внимательном чтении вы не найдете из них указания на обещание «промежуточные члены» для упоминания заучи из духа первого тома. Но, когда на этот раз Маркс анализирует поручу прибыли для различных капиталов, то он лишь повторяет уже сказанное о нормах прибавочной стоимости. А когда переходит к объяснению средней нормы прибыли, то просто широко заявляет из действительности, которая, при помощи рыночных циль, производит своеобразный дьявольский прибавочной стоимости и прибыли между капиталистами, расна-

триваемыми на этот случай, как члены одного акционерного предприятия; при чем, из этой концепции, каждая часть этого общего капитала получает средней одинаковой процент прибыли, а не ту долю, какая ей должна была бы принадлежать по техническим и пр. условиям частного предприятия. Обяс, очевидно, на изобретении из действительности только формулированных законов спроса и предложения, так самих законов, на признание которых «точкою спора» при определении рыночных циль Маркс впоследствии называет — из пороков той — спосодь от вулгарной экономики» ни больше, ни меньше, как «Архимедизм поворотов». Опыт мы стоим лицом к лицу с вопросом, на который впервые возникает сомнение и колебание даже у наиболее верных учеников Маркса.

Что касается до «прибыли» из философской части марксизма, то здесь она проявляется резко и разнообразно, чем из какою бы то ни было другой отдаленной страны; и было бы излишне останавливаться на частных изло-страстях: они весьма известны и разумно, что называется, гласно. Куда делась чланный характер того строгого философского материализма, который проложил всю систему марксизма, считался обязательным для каждого ученика и за андеширное затупение которого Шипель так бичевал, например, английских буржуазных «экономистов»? Явля, которое провозглашает считать себя материалистами, спосодь и резко отказывается именно от материализма из философской области и ищет разннчных источников «умеренного» материализма: кто из капиталистов, кто из нео-капиталистов, кто из винопро-приталистов, кто из неопределенно-волокнистых, даже из фактически, спинозов и чуть не нео-шпенозов. С другой стороны, кемало и та сила из могущества гегелевской диалектики, которую Маркс и Шипель сотранныя, из числа прочих утилитарных прилагать молодости, от периода «учения» «философией разности» и довольно своеобразно понимая, кемало из ее идеалистического происхождения, из свою строго материалистическую систему. Теперь приверженцы «диалектики» можно считать по паль-